

Оленева Татьяна Борисовна

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ**

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/56.html](http://www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/56.html)

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 157-159. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/](http://www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

В качестве аргументации важности своих слов автор использует синтаксическую безличную конструкцию с семантическим оттенком обоснования: **ВСЕГО БО ЕСТЬ ЗАТѢ ИЖЕ НИѢХ ОСУЖАТИ**. При этом говорящий ссылается на текст Писания, цитируя заповедь Христа. В рассматриваемом фрагменте встречается синтетическая форма императива 2 лица множественного числа со значением повеления Бога, призыва к чадам Христовым (**НЕ ОСУЖАЙТЕ**), а также и синкретичная форма 3 лица множественного числа простого будущего, которая обозначает одновременно обоснование, обещание и долженствование: **И НЕ ОСУЖЕНИ БУДЕТЕ**.

Во второй композиционной части фрагмента идет рассказ о «широком пути, ведущем в погибель». Здесь все инфинитивные формы исчезают, а вместо них используется ряд субстантивных наименований пороков: **НЕВѢРСТВО И ГОРДЫНИ ВЕЛИЧАНИЕ И ТЩЕЛАВІЕ ЛѢНОСТЬ И ПІАНЫСТВО И ШЕЛДЕНІЕ БЛ҃҃҃Д И ЗАВИСТЬ КЛѢВЕТА И НЕПРАВНОСТЬ РОПТАНИЕ И ХУЛА И ДОУШЕГОУБНАА ПРѢОСТЬ И ГНѢВЪ**. Отсутствие глагольных форм *неслучайно*: в отличие от первой композиционной части здесь не могут быть использованы средства выражения призыва, автор предупреждает читателя об опасности «широкого пути» и называет пороки, как и принято в православной этике, *в отвлечении от возможного субъекта действия*. И лишь в конце ряда появляется инфинитивная конструкция, связывающая весь фрагмент воедино и являющаяся своеобразным переходом к нарастанию императивного тона во второй части: **ИЖЕ ОСУЖАТИ БЛИЖНАГО И СИМЪ ПРИИГАТИ ГРѢХЪ КЪ ГРѢХУ БЕЗАКОНІЕ КЪ БЕЗАКОНІЮ**.

Далее императивный тон становится еще отчетливее за счет использования лексического повтора, который уже напрямую отсылает нас к первой части: **ВСЕГО БО ЕСТЬ ЗАТѢ ИЖЕ НИѢХ ОСУЖАТИ**. И наконец, императив «звучит» в полную силу - используются аналитические формы повелительного наклонения, образованные сочетанием спрягаемого глагола 3 лица единственного числа с частицей **ДЯ**, с семантикой пожелания автора к чадам Христовым, к которым он относит и самого себя: **ДЯ БЛАЖЕННОЕ СМІРЕНІЕ ПРЕБУДЕТЬ В НАСЪ И ДУХОВНОЕ СМІРЕНІЕ ПОКРЫЕТЪ НАСЪ**.

Древнерусский книжник прекрасно освоил жанр Пролога и органично соединил в этой книге повествование и назидание. От века к веку Пролог изменялся не только по составу и языковым особенностям, но и по общей, актуальной для своей эпохи, тональности, оставаясь подчинённым единой коммуникативной задаче – *воспитать граждан Третьего Рима, утвердить в них память о Небесном, указать путь к Вечности через пространство земного времени*.

#### Список литературы

1. Бубнов Н. Ю. Славяно-русские Прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274–296.
2. Кураев А. Протестантам о православии. Наследие Христа / Диакон Андрей Кураев. 9-е изд., перераб. и доп. Клин: Христианская жизнь, 2006. 669 с.
3. Лебедева И. Н. К истории древнерусского Пролога: повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога / И. Н. Лебедева // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 39–53.
4. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 344 с.
5. Осипов А. И. Посмертная жизнь души. М.: Даниловский благовестник, 2005. 128 с.
6. Фет Е. А. Прологи в собрании Пушкинского Дома // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 357–361.

УДК 81'42

Татьяна Борисовна Оленева

Марийский государственный университет

#### ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ®

Отечественные лингвисты, начиная с 1967 года, то есть с момента введения Ю. Кристевой термина *интертекстуальность*, широко пользуются данной дефиницией, когда речь идет об обозначении общего свойства текстов, выражающихся в наличии между ними связей, благодаря которым текст или их части могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Это своего рода *лингвосимбиоз*: «текст в тексте» или «текст о тексте». Причем, приводя теоретические выкладки, исследователи обращаются только к примерам из литературных источников XIX–XX вв., полностью игнорируя древнерусские памятники письменности, тем самым, отказывая древнерусскому писателю в использовании интертекста как своеобразной риторической фигуры.

Различают, как известно, два подхода к интертекстуальности: *с точки зрения автора и с точки зрения читателя*. В первом случае автор рождает свой собственный текст, а, утверждая собственную творческую индивидуальность, выстраивает сложные отношения с текстом другого автора. Как правило, это отношения идентификации. В данном случае уместно вспомнить «Слово Даниила Заточника», одна из целей написания которого - демонстрация собственного кругозора и образованности.

С точки же зрения читателя, интертекстуальность - способность выявления в том или ином тексте интертекстуальных ссылок, что связано с установкой на более углубленное понимание текста или предотвращение его не-(до)понимания за счет выявления многомерных связей с другим текстом.

Второй аспект - предмет нашего исследования. Как известно, существуют различные типы интертекстуальных отношений: цитация, аллюзия, реминисценция и др.

Обратимся к конкретным памятникам письменности, прежде всего - «Слову Даниила Заточника», «Житию Александра Невского» и др. Эти произведения принадлежат к XIII веку с разницей приблизительно в 40 лет. Таким образом, авторы могли быть современниками, либо, и это более достоверно, - один (автор Жития) знал текст другого, а потому и воспользовался приемами языкового воплощения, заимствованными у Даниила, но с учетом нового времени и новых реалий.

Ср.: в Слове: «...князю нашему силу Самсона»;

в Житии: «Сила же его была частью силы Самсона»;

в Слове: «из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен»;

в Житии: «...лицо же его как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым после себя человеком»;

в Слове: «некогда же похвалился царь Иезекиль перед послами царя Вавилонского»;

в Житии: «Было же тогда чудо дивное как в древние времена при Езекии царе...».

С нашей точки зрения, здесь уместнее говорить о так называемой *интер-цитации* и *интер-аллюзии*, когда воспроизводятся два или более компонентов претекста с сохранением предикации, но с некоторой трансформацией образа (цитация), или когда заимствуется лишь определенный элемент претекста, по которому и происходит их узнавание (аллюзия). Для данных текстов характерна еще и так называемая *именная аллюзия*, выступающая как реминисценция, когда идет отсылка не к тексту, а к некоторому событию или индивидууму. При этом авторы разных текстов используют одни и те же исторические факты и имена одних и тех же деятелей прошлых времен. Отсюда - межтекстовые связи, граничащие с плагиатом, который, как это ни покажется странным, может квалифицироваться как один из типов интертекстуальных отношений.

Приведем далеко не полный перечень, наиболее часто встречающихся в некоторых древнерусских текстах исторических и мифологических имен, к которым в разное время, но со строго определенной целью обращались древнерусские писатели. Основная цель введения в оригинальный текст того или иного имени или события, с ним связанного, - возвеличить образ героя, о котором он повествует, поставить его в один ряд с выдающимися представителями прошлых веков. Но при этом продемонстрировать уровень своей эрудиции, что находилось в прямой зависимости от личностных качеств писателя, который, как правило, вынужден был скрывать свое имя.

Итак, это: *Август, римский император; Авель, сын Адама и Евы; Авраам, родоначальник еврейского народа, Арий, александрийский священник, основоположник великой христианской ереси; Вальтасар, вавилонский царь; Давид, иудейский царь-песнотворец, Даниил, библейский пророк; Демокрит, древнегреческий философ; Иезекиль, царь иудейский; Иисус Навин, пророк, преемник Моисея; Иоанн Богослов, евангелист; Иоанн Златоустый, видный византийский церковный деятель; Иов, праведник; Иосиф Прекрасный, соправитель Египта; Ирод, царь Иудеи; Константин Великий, римский император; Моисей. Пророк; Ной, праведник; Самсон, богатырь и судья; Сара, жена праотца Авраама; Соломон, сын царя Давида, символ мудрости; Хам, сын Ноя; Юлиан, византийский император и т.д.*

Приведенный список личных имен и связанных с ними событий - своеобразные интертекстуальные ономастические единицы, наиболее часто встречающиеся в произведениях даже раннего русского средневековья, что, в первую очередь, свидетельствует о высоком образовательном уровне древнерусской языковой личности.

Интересным, на наш взгляд, является прием «текста в тексте», когда единой является только форма - *рамочная конструкция*, а содержательная сторона «привязана» к событиям своего времени.

Так, в Повести временных лет речь идет о зарождении русской государственности, то есть о «*лете 6360 индикта 15 день*», когда начал царствовать Михаил, а земля наша стала называться Русской, читаем: «*От Адама до потопа 2242, а от потопа до Авраама 1000 и 82, а от Авраама и до исхода Моисея 430 лет.... а от первого княжения Михаила до первого княжения Олега после того, как он сел в Киеве...*» [3, л. 6, об.-7].

В Житии, где папские кардиналы восхваляют свою веру, Александр Невский произносит следующее: «*От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море..... обо всем хорошо знаем, а от вас учения не приемлем*». Иными словами, автор Жития вкладывает в уста русского князя, поборника веры христианской, слова, явно перекликающиеся с летописными событиями величайшего значения. Православная Вера и Русское государство - едины.

В свете анализируемых проблем весьма интересным представляется заголовок одного из самых известных памятников древнерусской словесности - «Слово Даниила Заточника», где акцент сделаем на имени «автора». Известно, что именно так звали ветхозаветного пророка Даниила, одного из четырех сынов Израилевых княжеско-царского происхождения. Он был *самым* умным, *самым* красивым, *самым* мудрым, наделенным даром пророчества. Именно такой псевдоним избрал для себя автор Слова, как бы намекая (*именная аллюзия*) на того, древнего полубога, причисляя себя тем самым к избранным, имеющим право предсказывать и проводить, говоря современным языком, исторические параллели (историческая аллюзия).

В тексте есть «темное» место, непонятое даже акад. Д. С. Лихачевым, который предположил перевод. Мы имеем в виду следующий текст: *«Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение».* Эти слова Переяславского князя Андрея Владимировича Доброго Даниил *сознательно* приписывает сыну Юрия Долгорукого Ростиславу. А речь идет о событиях 1139 года (на время написания Слова - весьма отдаленных), когда Переяславский князь Андрей, отвечая своему брату, призывающему идти на чужой город Курск, возразил: *«Мне милее смерть на своей отчине и дедине. Нежели Курское княжение... Отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле. И я хочу на своей отчине смерть принять».* Это тайное желание самого Даниила - жить и умереть на земле предков, то есть в Рыльске, а не в заточении на Лаче-озере. Как известно из истории, этому факту не суждено было случиться, так как в 1241 году был убит татарами князь Рыльский, но его звали Мстислав (подробнее: Оленева Т. Б. Новое прочтение классических древнерусских текстов. Йошкар-Ола, 2003. 336 с.). С нашей точки зрения, приведенное выше - пример *исторической аллюзии*.

Еще в одном известном памятнике этого времени - «Слове о погибели Русской земли» - встречается «странное» слово, включенное в следующий контекст: *«...деду его Володимеру И Манаху...».* Ни у кого из исследователей-переводчиков эта *странность* не вызвала никаких сомнений, потому что все исследователи понимали, что речь идет о великом князе Владимире *Мономахе*, тем более, что исторически и текстологически это было оправдано.

Мы же полагаем, что *испорченность* имени не носит случайный характер. Это не описка, а своего рода завуалированный намек средствами сходно звучащего слова (пароним) на обстоятельства, известные лишь посвященным. Речь идет о следующем. Автору было известно «Поучение» князя, то есть его Духовная, в которой есть такие слова: *«Господь наш показал нам, как побеждать врагов наших, как избавиться от них и побеждать их тремя делами: покаянием, слезами и милостынею... Хвалите Бога! Любите человечество. Не убивайте ни правого, ни виноватого... И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всею душою во имя Отца и Сына, и Святого Духа, да будет проклят!...».* Суздальская летопись дополняет: *«...он всей душой возлюбил Бога, особенно он почитал чернецкий чин и священнический...»* [6, с. 190]. Итак, князь любил чернецов, то есть *монахов* (!). Видимо, в душе желал быть *монахом*. Но события его собственной биографии говорят о противоположном: он совершил около 80 походов. *«Его имя гремело в мире, и страны соседственные трепетали оно».* Монах - в помыслах, князь-воин - в жизни, родоначальник воинственного клана *Мономашичей*, потомок (по матери Марии) Византийских императоров. Иными словами, зная все это, автор образовал так называемый окказионализм-гапакс (сказанный единожды), что являет собой образец именной аллюзии, выступающей как реминисценция.

Особое место среди типов интертекстуальных отношений в памятниках древнерусской письменности, на наш взгляд, занимают *тексты-молитвы*, приводимые, как правило, в трансформированном варианте. В «Житии Александра Невского» описывается событие, когда Александр, распавшись сердцем, вошел в церковь святой Софии и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: *«Боже славный, праведный Боже великий, крепкий...».* Затем, вспомнив псаломскую песнь, произнес: *«Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне»...* [1, с. 199-201].

С текстами-молитвами тесно связаны выдержки из Святого Писания или Слов отцов церкви. Например, Серапион Владимирский в Слове Третьем говорит словами апостола Павла: *«Братья, избегайте дел злых и темных, ибо лихоимцы-грабители с идолослужителями осуждены будут».*

Таким образом, проблема межтекстовых взаимоотношений ставит перед исследователем ряд вопросов, однозначные ответы на которые иногда дать затруднительно, особенно если это касается древнерусских памятников письменности, материал которых являет собой образец расширительного толкования проблемы интертекстуальности в целом.

#### Список литературы

1. Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е годы // Князь святой Александр Невский: исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова, А. Н. Кипичникова. СПб., 1995.
2. Поучение Владимира Мономаха // О, Русская земля! М., 1982.
3. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1872.
4. Слово Даниила Заточника // Из собраний Кирилло-Белозерского монастыря / Духовная Академия. Фотокопия.
5. Слово Третье Серапиона Владимирского // О, русская земля! М., 1982.
6. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. М., 1962. Т. 3.